

Е.Е. Хабунова*

E.E. Khabunova*

**Устные истории калмыков
как семейная ценность:
сохранение и передача****

**Oral Stories of Kalmyks
as Family Value:
Conservation and Transmission****

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-12

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-12

УДК 39:94:343.264(470.47)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Хабунова Е.Е. Устные истории калмыков как семейная ценность: сохранение и передача // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 144–149. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-12.pdf>

Khabunova E.E. Oral Stories of Kalmyks as Family Value: Conservation and Transmission // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 144–149. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-12.pdf>

Abstract. Expeditions conducted in the territory of the Republic of Kalmykia (during the years of 2012–2017) allowed us to record oral narratives in many families. Those narratives recount the deportation of 1943, the destiny of Buddhist monks, religious buildings, sacred places, family relics etc. The term “oral narrative” refers to a spoken story containing the testimonies told by the participant or eyewitness of the past events, including historical data or knowledge of the individual about the past, reproduced in oral form, often with elements of subjectivity or influenced by the personal and social experience of the narrator. This article focuses on the stories recalling the details of the Kalmyk people’s deportation to Siberia in 1943, as a part of the repressive and inhumane policy of Stalin, showing the drama and hopelessness of defenseless women, old people and children, doomed to humiliation, cruelty and lawlessness. For decades, the Siberian genocide facts were hidden from the public eye, prohibited from social discussions. Its devastating details are learnt today from those oral narratives kept in each family’s memory, passed on to the next generations in oral form and recorded or written down carefully during our expeditions. The compilation of the narratives represents the unofficial history told by the collective memory of the Kalmyks, deported though not vanished in the Siberian permafrost. There is no doubt these stories provide real eye-opening evidence of the spiritual heritage, socio-cultural and historical experience of the Kalmyks.

Keywords: expedition; oral history; Kalmyks; deportation; 1943; Siberia.

The article has been received by the editor on 27.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Экспедиции, проведенные на территории Республики Калмыкия (2012–2017 гг.), позволили практически в каждой семье записать устные истории (oral history). Их тематика оказалась достаточно разнообразной: о депортации 1943 г., о духовных лицах, о культовых сооружениях, о сакральных местах, о семейных реликвиях и т.д. Под термином «устная история» имеется в виду нарратив, содержащий свидетельства участников или очевидцев прошлых событий, включающий исторические сведения или знания отдельных людей о прошлом, воспроизведенный в устной форме, не лишенный элементов субъективизма и обусловленный мировоззренческими представлениями рассказчиков, их социальным опытом, мерой участия в событии. В данной статье анализируются истории,

* Хабунова Евдокия Эрендженовна, доктор филологических наук, научный центр «Культурное наследие монгольских народов» Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия, e-mail: khabunova@mail.ru

Khabunova Evdokia E., Doctor of Philology, International Scientific Centre “Cultural Heritage of Mongolian Peoples” of Kalmyk State University named after B.D. Gorodovikov, Elista, Russia, e-mail: khabunova@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» № 18-512-94006 МОКНМ_а.

The research was carried out at financial support of RFBR within project 18-512-94006 MECSM_a.

которые передают детали выселения калмыков из родных мест в 1943 г., характеризуют репрессивную политику того времени, свидетельствуют о бесправном положении людей и показывают драматизм и безысходность незащитных женщин, стариков и детей, обреченных на унижение, подвергавшихся жестокости и беззаконию. Многие десятилетия сибирская тема была «закрытой», но устные повествования сохранялись в народной памяти, изредка рассказывались в кругу семьи и передавались потомкам в устной форме. Записанные устные истории в большей степени отражают групповую (семейную, общественную) память, нежели персональную. Неофициальная история, основанная на народной памяти, может быть полезной для воссоздания более полной картины духовного наследия, социокультурного, исторического опыта калмыков.

Ключевые слова: экспедиция; устная история; калмыки; депортация; 1943 год; Сибирь.

Устная традиция сохраняется и передается от поколения к поколению в определенных условиях, фокусируясь на определенных духовных или материальных ценностях в конкретной социальной группе. Семья является той благодатной почвой, на которой появляются ростки устного творчества, которые впоследствии вырастают в традицию, обеспечивают преемственность.

В рамках семьи у калмыков передавались сказительская традиция и эпические знания, песенное наследие и исполнительское мастерство, тайна происхождения рода и генеалогическое древо, секреты врачевания и тонкости древних ритуалов и многое другое, что требовало надежного хранения в памяти и обязательной передачи потомкам этих ценных сведений.

Одним из способов документирования событий, фактов, явлений в памяти и передачи кому-то в устной форме являются нарративы, которые часто складывались в кругу семьи и до определенного момента сохранялись в рамках семьи. Сюжеты этих устных повествований диктует жизненная реальность, оставившая неизгладимый след в судьбе человека и запечатлевшаяся в его памяти. Случай, послуживший первоосновой для осмысления и устного воспроизведения действительных событий, обретает свою значимость и смысл позднее, когда он становится частью истории.

Под «устной историей» в данном исследовании имеется в виду нарратив, содержащий свидетельства участников или очевидцев прошлых событий, включающий исторические сведения или знания отдельных людей о прошлом, воспроизведенные в устной форме, не лишенные элементов субъективизма и обусловленные мировоззренческими представлениями рассказчиков, их социальным опытом, мерой участия в событии.

Жанровый статус устных историй (oral history) до сих пор не получил точного определения и должного научного освещения в калмыцкой фольклористике. Они не фиксировались собирателями калмыцкого фольклора как отдельный вид устного народного творчества, о чем свидетельствуют материалы прошлых экспедиций. В изданиях, основанных на полевых материалах, мы также не обнаружили такой классификационной группы.

Вместе с тем следует признать, что неофициальная история, основанная на народной памяти и зафиксированная без цензуры, требует скорейшего научного осмысления. Она может быть полезной для реконструкции истории, которую невозможно отследить, опираясь только на архивные документы и письменные источники, она позволит наполнить «белые пятна истории» забытыми или запрещенными фактами и образцами живой калмыцкой речи с их диалектными особенностями, другими сведениями, важными для сохранения родного языка, духовного наследия калмыков и формирования фактологической базы национальной культуры и истории.

Эти нарративы носят синкретичный характер, они формируются на стыке многих дисциплин и жанров, их содержание зависит от сказительского умения повествователя, от среды его обитания. Если информант знаком с фольклорной традицией, его устные свидетельства в большей степени отражают групповую (семейную, общественную) память, чем персональную, а в их вербальном воплощении проявляются элементы фольклора, народной мудрости.

Устные истории (далее УИ) калмыков, записанные во время экспедиций практически в каждой семье, содержат не только исторические факты, они отражают семейные традиции, из которых формируется духовный стержень народа, позволивший сохранить язык, веру, обычаи предков. Тематика зафиксированных УИ разнообразна: об исторических событиях и фактах, о духовных лицах, о культовых сооружениях и предметах, о священных местах, о судьбах обычных людей и т.д.)¹. Воспроизведение многих УИ долгое время было невозможным в силу многих причин и обстоятельств, нам удалось записать лишь некоторые из них.

В экспедиционной коллекции особо выделяется материал о депортации калмыков в 1943 г. (Указ Президиума Верховного совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР» от 27 декабря 1943 г.)². Согласно Указу калмыки, героически защищавшие свое Отечество на протяжении четырех столетий, чьи сыны в это время доблестно сражались с немецкими захватчиками на фронте, были незаконно объявлены врагами народа. Ранним утром 28 декабря 1943 г. безвинные «женщины, старики и дети в одночасье были насильственно вывезены из родных мест конвойными частями НКВД СССР»³ и расселены веерным способом по всей Сибири. Отзвуки этого трагического события по сей день звучат в каждой калмыцкой семье в виде устных историй, рассказываемых уже потомками очевидцев и жертв репрессивной политики того периода.

У каждой семьи есть своя трагическая история, но на ней до недавних времен стояла печать запрета. Поколение, прошедшее это страшное испытание, до сих пор неохотно делится своими воспоминаниями, и фиксация этого специфичного материала оказалась непростой задачей.

Несмотря на то, что устная история отражает индивидуальную историческую память, для воспоминаний наших респондентов, репрессированных в 1943 г., и рассказов их потомков – представителей нового поколения, характерно наличие константных сегментов, подтверждающих общность народной памяти о пережитой трагедии⁴.

В записанных нами устных историях сибирского цикла драматизмом выделяются рассказы о событиях, связанных с вторжением в дом незнакомых людей, о состоянии людей, ошеломленных чудовищным приказом о выселении, сообщаемом в предутренний час.

В них часто упоминается топоним Сибирь, точно указывается время и дата выселения. Эти нарративы изобилуют вопросами: почему изгоняют из родного дома, куда и на какой срок их отправляют, кому оставляют их нажитое добро и скот: *1943 жилин декабрьла арвн негн настандан Сиврүр йовулв. Мадниг декабрин хөрн доладгчла мадниг негдгч школд хурав, хуредгч класст би йовлав. Тегэд тенд йовжэ йовхла, багшин көвүн үр көвүндэн келнэ: «Хэлэ, тер машид үзжэнч? Үзжэнчи машидиг, гинэ, <студебекер>, тер американск машин. Эн машидт хальмгудыг йовулх гинэ». Тенгинь сонскад би ... бичкн, гүүжэ ирүв гертэн. Эkdэн ирчкэд, би келжэнэв: «Багшин көвүн келв, эн американск машид <студебекер – авт.> мадниг йовулх гив. Экм келнэ: «Күүкм мини, уга, маниг йовулиго, эчкн дээнд бээнэ»* [Нимгирова Ефросинья Чимидовна, род. 25 декабря 1923 г. на хуторе Кумский Западного района. Записали Б.Э. Убушиева, Д.Б. Гедеева]⁵ / В декабре 1943 года отправили в Сибирь в одиннадцатилетнем возрасте. Нас [собрали] двадцать седьмого декабря в первой школе, я тогда училась в третьем классе. Когда я шла, учительский сын сказал своему другу: «Смотри, видишь те машины? Видишь машины, говорят американские машины судебеккер. Говорят, на этих машинах отправят калмыков». Услышав это, я... маленькая, прибежала домой. Прибежав к своей матери, я говорю: «Сын учителя сказал, что на этих машинах отправят нас». Моя мать сказала: «Дитя мое, нет, нас не выселят, твой отец на фронте» (Здесь и далее дается перевод автора статьи).

¹ Хабунова Е.Э., Убушиева Б.Э. Константы устных историй калмыков о депортации 1943 года как маркеры народной памяти (по материалам экспедиций) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38 (2). С. 123.

² Убушаев В.Б. Калмыки. Выселение и возвращение. Элиста, 2013. С. 93.

³ Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 26–27.

⁴ Хабунова Е.Э., Убушиева Б.Э. Константы устных историй калмыков о депортации 1943 г. ... С. 125.

⁵ Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураңһу материал. Истины древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов / сост., автор вступительной статьи на калм. яз. Е.Э.Хабунова. Элиста, 2018. С. 149.

Одним из фактов, отмечаемых в УИ, является неожиданное появление в доме военных с оружием, что противоречило вековым обычаям калмыков. Согласно традиции, все виды оружия, включая плетку, оставались за порогом, исключение составлял нож в ножнах, с которым мужчины не расставались никогда. Грубый окрик солдат, приказы, произносимые на непонятном языке, врезались в память беспомощных женщин и детей настолько, что рассказывая о событиях семидесятилетней давности, информанты воспроизводили их так, как они тогда были произнесены: *Где ваши вещи? Встать в углу! С поднятием рук! Выходите! Что это? Где ружье? Врешь!* «Вы, калмыцкая нация, выселяетесь до единого в Сибирь» (сохраняется орфография и стилистика информанта).

В УИ подробно излагается процесс сборов и погрузки семей в машины. Безвинные и незащищенные люди, объявленные преступниками, сразу же ощутили жестокость не только со стороны конвоиров, но тех, с которыми благополучно соседствовали на протяжении долгих лет. Практически во всех рассказанных историях упоминается реакция домашних животных на то, что люди творят с их хозяевами. Информанты отмечали, что не могут забыть картину, как за машиной долго следовали ревущие коровы и лающие собаки. Они считали, что так животные выражали свое сочувствие, которое калмыки ожидали от людей: *Мадниг түүрмин улс кевтэ нүүлһв. Тас юм авхулсн уга. Би юм уйдг машинк терзин [кенчэрэ] ораһад, машинд күргчкэв. Тенүгим орс гергн тер нүүлһжэх лейтинант залуд келчкэж: «эн мини соседк нег күнд юм авад һарч одв» ... Цергэ көвүн келжэна: «Верните обратно в квартиру!», – гihэд хэрү күргүлчкв... Тас юм авхулсн уга. Зусан көнжл-мөнжл, хээс-мээс, утх бээтхэ вишк, шовһр үзүртэ юм бичэ автн. Хээч-мээч авхулсн уга, только авхулв лоошк, тэрелк, нег круужк и все. Укр нохаснь мөөрдэд, хуцад мадна ардаснь йовж, гинэ. Мартж болхи (Убушиева Кермен Даваевна, 1920 г.р., род. в местности Зергента. Записали: Е.Э. Хабунова, Б.Э. Убушиева, Ф.С. Шорваев. Расшифровка Е.Э. Хабуновой)⁶ / Нас вывозили как тюремных людей. Вообще ничего не дали взять. Я швейную машинку завернула в [занавески] и отнесла в машину. Об этом русская женщина, оказывается, сказала лейтенанту, выселявшему нас: «эта моя соседка что-то тяжелое вынесла». Служивый парень приказал: «Верните обратно в квартиру!» и заставил вернуть. Вообще ничего не разрешил взять. Теплые одеяла, котелки, не то чтобы нож, вилку не разрешили взять, приказали ничего острого не брать, только ложку, тарелку и одну кружку и все. Говорят, коровы с ревом, собаки с лаем следовали за нами. Невозможно забыть.*

В сюжетной линии рассказанных историй выделяются описания эмоционального состояния людей, оцепеневших от неожиданного известия, подавленных жестокостью солдат-конвоиров и обескураженных бессловесной покорностью представителей власти, мгновенно приступивших к исполнению приказа: *Би Дербетд райкомд көдлжялясн завучетом. Сө три часа мадниг серүлжэ авад, райкомин заалур авч ирв. Тенд эмтн хурад сууж. Райком партин зал дүүрңэ эмтн, ху тас э уга. Уньо сидят. Мана первый секретарь райкома партии Большаков Иван Иванович нааран цааран йовад бээна, тас э уга. Кого-то ждем. Первый секретарь бээна. Дэкэд ода кениг күлэжэхмб? – гижэ санжанава. Тиигэ бээтл ут шинельтэ полковник, өөрэн хойр лейтенант дахулсн оржэ ирв. Газа салдсмуд олн, нирглад бээна, тергэр ирэд бууһад, ивр-ивр гисн бээдл һарад бээна. Столын ард суучкад, приказ умичана: «Вы выселяетесь до единого калмыцкая нация, в Сибирь». Ху э тасрхов. Вопросов нет (Убушиева Кермен Даваевна, 1920 г.р., род. в местности Зергента. Записали: Е.Э. Хабунова, Б.Э. Убушиева, Ф.С. Шорваев)⁷ / Я в Дербете работала же в райкоме завучетом. Ночью в три часа нас разбудили, повели в зал райкома. Там сидели собравшиеся люди. Посмотрела, три часа ночи. В зале того райкома партии увидела полно людей, все сидят безмолвно, уньо. Наш первый секретарь райкома партии Большаков Иван Иванович ходит взад-вперед, ничего не говорит. Кого-то ждем. Первый секретарь тут. Кого же ещё ждем? – думаю так. Пока так сидели, появился полковник в длинной шинели в сопровождении двух лейтенантов. На улице много солдат. Шумно. Какие-то люди на*

⁶ Хуучн үгд худл уга... С. 149.

⁷ Там же. С. 151.

телегах подъезжают, движение какое-то было. Сел за стол, зачитал приказ: «Вы, калмыцкая нация, выселяетесь до единого в Сибирь». Все замерли. Вопросов нет.

В калмыцких семьях не принято было посвящать детей в трагизм сибирской ссылки. В семьях редко упоминались детали жестокого обращения с калмыками на новом месте. Буддийское восприятие жизни помогло им самим перенести достойно страдания, эти же качества они прививали своим детям. Чувство страха за их будущее, возможность повторения несправедливости и беззакония табуировали сибирскую тему. Исключения составляли истории, связанные с членами семьи, умершими в дороге, оставленными на чужбине. В истории о депортации дети посвящались, достигнув определенного уровня образованности и самостоятельности: *Харһаһар хадата вагонд Сибирт тиигэж авч йовсн цугтаһнь. Шуд дала эк-эцк өңгрэж одв. Тер зуур өңгрисиг тер мана эк-эцк келдг билэ цуһар келхлэ, тедндтн оршашго, где-нибудь нүкнд хайчкдг болх. Нохас чон идх. Дала молодежь чигн уга болв в дороге тер киитн үзгт* (Сангаева Тамара Очировна, 08.02.1938 г.р., с. Старица, Астраханск область. Записали Е.Э. Хабунова, М.А. Лиджиев, Б.Э. Убушиева, Д.Б. Гедеева)⁸ / Так в заколоченных досками вагонами всех повезли в Сибирь. Очень быстро много наших отцов и матерей умерло. Умерших в пути, как говорили все наши родители, они [конвой] не будут хоронить, выбросят где-нибудь в яме. Собакам и волкам на съедение. Многих молодых не досчитались, [прибыв] в этот холодный край.

В устных историях о тринадцатилетней сибирской ссылке немало теплых воспоминаний о сибиряках, не поддавшихся лживой пропаганде о калмыках-людоедах. Калмыки хранят старые фотографии, рассказывают детям и внукам о своих сибирских друзьях, односельчанах, помнят их имена, которыми называли своих детей: *Тиигэд-тиигэд йовж, Новосибирск областьд, Купинск районд күрүвидн, тенд күрхлэг, дэжн киитн баньд орулжана. Киитн баньд орулжад, цанд суулһкад, тегэд көрэд, үкэд йовхгов. Норч одсн улс... Орс гергчүд дахад, уулад йовна. Киитн герт орснь, шуд көрлдэд, үклдэд бээнэ. Күүкднь овалһата үкэж одсн. Ода яахмби?! Иддг хот уга, өмсдг хувцн уга. Мана экмдн, дэкад нег авһ бергн өөмс келэ, даладл, өөмс үвд кедг. Тер өөмсэнь өмсчкэд, тедн деернь мишгар ораһад көдлв. Одак көл нүцкн, туфлта, башмгта деернь көлдэд йовхгов.* (Санджиева Анастасия Хактаевна. п. Алцынхута, Кетченеровский район. Записали: М.А. Лиджиева, Ц. Надбитова)⁹ / Вот так пока ехали, прибыли в Новосибирскую область, Купинский район. Когда привезли туда, завели в холодную баню. После холодной бани, посадили на сани. Стали замерзать и умирать, люди-то промоклие были. А русские женщины шли за нами со слезами. Стали мерзнуть и умирать в холодных нетопленных избах. Дети мертвые горкой сваленные лежат. Что делать?! Есть нечего, одеть нечего. Наша мать, ещё наша тетя (жена дяди), стали вязать носки, много носок изготовили. Надев носки и обмотав их мешковиной, пошли работать. А ноги-то голые, в туфлях, башмаках.

К числу постоянно упоминаемых в рассказах свидетельств относятся факты потери членов семьи, выселенных из разных мест. Редко кому удавалось найти своих детей, родных во время пути, конвоиры были суровы и бдительны. Во время остановок едва успевали выгрузить трупы и взять кипятка: *Зуур үкэж йовна. Үкхлэ, тамбурт оркад бээнэ. Кажд остановк болһнд һаргад шивэд бээнэ. Бээжэ бээжэгэд һарһад шеелгсн саната. Залу гергн уга нег негэн хэлэжэһэд шеехгов. Ичкевт. Адһахгов, удан шеехлэ, шеесн деернь түлкэд унгахкна. Зэрмсьн тиигэд үлддг билэ, цаснд. Настоящие бандиты, тюремщики. Вагонд күн ду һарч йовхмн уга. Күн меджэхи яхар бээхнь* (Убушиева Кермен Даваевна, 1920 г.р., род. в местности Зергента. Записали: Е.Э. Хабунова, Б.Э. Убушиева, Ф.С. Шорваев¹⁰ / В пути стали умирать. Умерших стали складировать в тамбуре. На каждой остановке стали выбрасывать. Время от времени выводили, якобы справить нужду. Мужчины и женщины вынуждены были сидеть лицом к лицу, справляя нужду. Стыд и срам. Торопили. Замешкавшихся людей толкали, они падали на свою мочу. Кто-то так и оставался в снегу. Настоящие бандиты, тюремщики. В вагоне все молчали. Никто не знал, куда и зачем везут.

⁸ Хуучн үгд худл уга... С. 145.

⁹ Там же. С. 140.

¹⁰ Там же. С. 141.

Нег гер-бүлэс салсн эмгн, залу харһнад үклэ. Эн улс Ээдрхнэ һазра улс бээж. Зууран хаалһдан салж йовсн эмтн бээж. Тегэд тедн мадниг дахж ирлэ. Тиигхд хаалһдан салж йовдгнь эмтн дала билэ (Манджиева Мацг Санджиева, п. Шарнут, Сарпинский район)¹¹/ От голода умерли старушка и мужчина, разлученные с семей. Оказывается, они были из Астраханской местности. От своих в пути оторвались. Поэтому последовали за нами. Тогда много было таких людей, разлученных с семьями.

Устные истории изобилуют выражениями, передающими драматизм пережитых чувств, жестокость обращения, чудовищность обвинения и безысходность положения униженных и ни в чем не повинных людей. В них рассказывается о первых впечатлениях калмыков-степняков, внезапно попавших в таежную глубинку, о встрече с местным населением, с представителями местной власти, о суровых требованиях спецкомендатуры: *Орс гергчүд нег негнүрн ирад ууляд бээж «людоедов везут», – гихэд. «Как спастись», – гихэд нег-негнүрн ирад, ууляд бээж. Акад юмн болв, дэрк, дэрк. Сталина тускар хойр дэч бичэд: «Мадниг неправильно нүүлжэнэ гихэд, советская школа меня воспитала, всю жизнь в школе работала. Что я неправильно сделала» Тер бичигг зуур комендант авчкэд бээж. Намэг тьюрмд орулв* (Убушиева Кермен Даваевна, 1920 г.р., род. в местности Зергента. Записали: Е.Э. Хабунова, Б.Э. Убушиева, Ф.С. Шорваев)¹¹/ Русские женщины приходили друг к другу плакали и говорили: «людоедов везут», «как спастись», – говорили и плакали, приходя друг к другу. Ужасно было все. Дярк-дярк. Дважды писала Сталину: «нас неправильно выселили, советская школа меня воспитала, всю жизнь в школе работала. Что я неправильно сделала?» Те письма комендант забирал, оказывается. Меня посадили в тюрьму.

Анализ записанного материала позволяет увидеть, что устные истории имеют определенную композиционную модель. Свою историю информант начинает, как правило, с сообщения своих биографических данных, затем следует описание депортации в той последовательности, в какой она происходила. Чаще всего, рассказ завершается констатацией прибытия и обустройства семьи на новом месте на условиях спецпереселенцев.

Литература

Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 26–27.

Убушаев В.Б. Калмыки. Выселение и возвращение. Элиста, 2013. С. 93.

Хабунова Е.Э., Убушиева Б.Э. Константы устных историй калмыков о депортации 1943 года как маркеры народной памяти (по материалам экспедиций) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38 (2). С. 123.

Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураңгу материал. Истины древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов. сост., автор вступительной статьи на калм. яз. Е.Э. Хабунова. Элиста: Джангар, 2018. 398 с.

References

Bugai, N.F. (1991). *Operatsia "Ulusy"* [Operation "Ulusy"]. Elista, pp. 26–27.

(2018). *Huuchn ugd hudl uga. Keerin hurangu material. Istiny drevney slovesnosti. Kollekiya ekspedizionnyh materialov*. Elista, Djangar. 398 p.

Khabunova, E.E. Ubushieva, B.E. (2018). *Konstanty ustnykh istoriy kalmykov o deportatsii 1943 goda kak markery narodnoy pamyati (po materialam ekspeditsiy)*. [Constants of Kalmyks' oral histories about the 1943 deportation as markers of people's memory (based on the materials of the expeditions)]. In *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. No. 38 (2), p. 123.

Ubushaev, V.B. (2013). *Kalmyki. Vyselenie i vosvrashenie* [Kalmyks. Deportation and return]. Elista, p. 93.

Статья поступила в редакцию 27.07.2020 г.

¹¹ Хуучн үгд худл уга... С. 140.